

Леснику Лясова кордона Игнату Шугаеву инструктор, по-старому объездчик, привез приказ узнать места скопления волков. Подвязывая хвост лошади, он с любопытством поглядывал на огромного всклокоченного детину — знаменитого подвывальщика.

— Из города на облаву сам председатель обещал. Возьми всех на учет.

Игнат ничего не сказал. Тяжелым взглядом проводил забрызганные дрожки до поворота и, когда спина инструктора утонула в сизом, словно дым, кустарнике, угрюмо проворчал:

— Приезжайте и бейте, что я, хозяин им!

Худосочная, поблекшая Татьяна, заслыша шаги в горнице, вскинула глаза и тотчас опустила в работу на коленях. Она заметила в глазах мужа тоску, которой боялась в нем больше всего.

Угрюмым он был всегда от жизни в лесу, но теперь сделался совсем чужим. Днями ни слова не услышишь от него, думает о чем-то; ляжет в постель, лежит неподвижно, словно лунатик, с открытыми глазами.

Подвывать волков Игнат научился с пятнадцати лет от отца, тоже лесника. Сначала при-

блых глухих ценят, потом переяра, а к призыву мог вызвать и матерого. На заре или ночью, стоя рядом с отцом, вслушивался в извивы его голоса и заучивал, как песню. Уходил один далеко от кордона, и до полночи разливался его голос, поднимая зверей. Охота с капканом и облава были его единственной заботой. К Лясову кордону каждую осень наезжали охотники из города. Он слыл лучшим поддывальщиком. Когда заступил лесником — с крестьянами-лесокрадами был дерзок, не давал увезти ни одного дерева из своего обхода. Во всякую ночь, хоть глаз выколи, — он в лесу. Его прозвали Волком. Этой кличкой он гордился.

И словно подменили его. По виду стал еще мрачнее, оброс, как пень на болоте, все валится из рук, не присмотрит за скотиной и словно не его дело караулить лес. По просекам то и дело тархтят телеги, — он и ухом не ведет. Кто побывал в его руках, рассказывает странные вещи. Заметит вора, подойдет, сядет на переделок, посидит рядом, поговорит и вдруг уйдет прямо в лес без дороги. Кто посмелее — допилит дерево, навалит и айда, лесник уже не встретит на дороге, хоть песни пой.

— Это от германской в нем, — говорили люди.

В горнице было тихо. Тикали старые кособокие часы на стене. Баба вздохнула от горьких мыслей. Игнат подошел к окну и заглянул через потное стекло. Свинцовое небо под рыжим сумрачным лесом нахмурилось; близился вечер.

— Ужин собери, живо!

Татьяна торопливо поднялась, осторожно ступая по полу, прошла горницу и завозилась у печи.

— Ты что ж, аль нонче пойдешь кликать зверя? Дождь бы не собрался, — робко сказала она, подавая на стол ковригу и нож.

2

Придавленная тучами тесовая крыша кордона озарилась на мгновение последним лучом заката. Маленькое оконце сверкнуло бледным стеклянным взглядом. Игнат утонул в узком туннеле просеки. Мягко, едва слышно шелестела листва под ногами. Он делал углы по косовым тропинкам, шел целиком по осиннику и наконец вышел в давнюю порубку, поросшую ольхой вперемежку с саженым камышом. Низкое небо менялось, ни одного светлого пятна не осталось над лесом. Тучи тянулись мягкими валами, словно головастые мохнатые чудовища с многочисленными лапами. Лес потемнел и молчал.

Игнат опустился на одно колено, сделал ладони рупором и, как делал это всегда, нагнул голову, чтобы взять низкую ноту, но заволновался и тяжело затоптался, шелестя в темноте осокой.

Темная ночь и тишина вдруг напомнили ему такую же ночь на фронте. Однажды после боя он очнулся в воронке, вывороченной снарядом, оглохший и измятый.

Одежда была частью сорвана, частью висела клочьями. Тишина и темнота показались могильными; сделалось так страшно, что завыл он протяжным воем. Вой был волчий, тот, каким выл он с детства, подражая зверю. Попытался вылезти, но на краю метнулись светлые глаза. Это были волки. Они уселись вокруг, вытягивали шеи и терпеливо ждали всю ночь. Несколько раз принимались выть, словно убеждали покориться. Их бока были втянуты под самые хребты. Готовясь к смерти, он задал тогда последний вопрос: почему же человек, сытый, одетый, убивает и грабит?

Быстро темнело. Заросли сливались с тьмой, словно распускалось черное огромное крыло. Игнат встряхнул плечами, втянул в себя сырой воздух. Протяжный волчий вой разнесся по тихому лесу. Два раза повторил он свой призыв. Тяжело дыша от напряженья, ждал. Придавленный низким небом, наконец приплыл ответный вой, далекий, осторожный, едва слышный. Это выл матерый. Лесник снова позвал.

Волк был уже ближе. Он запел свою песню с низкой хриплой ноты, раздал во все концы леса и вдруг оборвал, словно разрубил острыми зубами. Крепко прижавшись к осине, Игнат жадно слушал. В соседнем квартале заголосила волчица, прибылые щенята бестолково тявкали вслед за ней, но вой матерого не повторился.

Охотники из города понаехали с вечера. Татьяна хлопотала с самоваром и яичницей. Председатель и лесничий усадили Игната с собой за стол, старались втянуть в беседу об охоте, но из этого ничего не выходило. Он отказался пить водку, поднялся и надел куртку:

— Надо проверить сходить...

Лесничий поднялся тоже:

— Мы пройдемся с тобой: интересно послушать, как это ты делаешь.

Лесник упрямо сдвинул брови:

— Охота вам ноги трудить. Завтра будет день, находитесь, — проворчал он.

— Почему ты не хочешь, чтоб с тобой пошли? — спросил лесничий и махнул рукой. — Ну ладно, иди один, если так!

Игнат вышел из кордона и быстро зашагал по дороге. Пройдя с версту, выйдя в редкий сосновый бор, сбавил шаг и поплелся без цели по первой попавшейся просеке; он совсем не думал о проверке зверя. Наоборот, не знал, как отвертеться от предстоящей облавы, и служебная зависимость бесила его. Наехавшие люди с ружьями возбуждали тревожные мысли и злобу.

По вершинам сосен с осенним больным трепетом прошелся ветер. Тучи разодрались, яркий свет струился от молодой луны. Ноги Игната вдруг запутались в мягкой сосновой ветке, брошенной поперек просеки, — едва не упал. В деревьях черной кучей стояла лошадь.

— Эй, кто здесь? Не прячься!

Из-за сосны с топором в руке шагнул мужик, снял шапку и, весь пестрый от теней на полушубке, кротко промолвил:

— Помилуй, Игнат. Не из озорства, как иные, по великой нужде заехал. Сам знаешь, какое наше жительство.

Игнат потянул лесокрада за рукав к лошади, сел на передок и усадил рядом.

Глаза вора исподлобья щупали лесника. Он знал Игната-Волка и готов был каждую секунду, преодолев трусость, хватить его по голове обухом. Игнат с жадностью вглядывался в лицо мужика и силился припомнить, на кого он так похож. И вдруг вспомнил: видел такие же глаза у волка, пойманного в капкан.

— Что, испугался? А был ты на германской? Видел, сколько положено? Как швырок на порубке, в стога кляли. А мы, думаешь, железные? Так же распухнем. На что тебе сосна?

Мужик хихикнул.

— Известно — всем помирать. А все-таки живой об живом помысел держит. Жить не собирайся, а сеять поезжай, говорят старики.

Игнат приблизил свои глаза к немигающим, настроженным глазам.

— Вот никого на десять верст нету. Возьму и убью, чтоб лес не крал. Ехал — чтоб избу починить, а приехал за смертью.

— Их, дядя Игнат, волк не думает, где смерть застигнет, думает, где б овечку стибрить, — усмехнулся вор. — И человек одинаково. Может, она, смерть-то, и на след твой не ступала, а ты и жди ее, хлеба не ешь!

Игната возмутило спокойствие вора, он вскочил, вырвал топор из его рук и взмахнул над головой. Сталь зазвенела о тонкий сук.

— Вот и смерть тебе! — громко крикнул он. — Понял, про что говорю? Про волка

ты молчи, волк зря не тронет. А человек вот сейчас голову отмахнет. Так, для удовольствия своего!

Мужик прилип спиной к лошадиному заду.

— Батюшка, товарищ Игнат, пожалей деток невинных... — И вдруг упал на колени и рванул ноги Игната от земли. Лесник взмахнул руками и повалился навзничь.

Вор торопливо ползал, шарил по хвое и, найдя свой топор, встал за сосну.

— Поймал, так вел бы куда следует, без озорства. — На темном лице сверкала полоска оскаленных зубов. Он следил за каждым движением лесника. — То ись в самом деле хуже нет зверя, как человек. Не подступайся, засеку!

Игнат поднялся с земли.

— Понял, дурак! — сказал он и медленно зашагал по узорной дороге.

Мужик торопливо подвинул лошадь к сосне, подсунул важку под комель и, надрываясь, перевалил через колесо на передок.

4

Едва забелелись окна, Игнат разбудил охотников. Мимо кордона кучками шли мужики-загонщики. Он выбегал на крыльцо и кричал:

— В четырнадцатый ступай, в четырнадцатый. Поаккуратней, без шума!

После завтрака торопливо собрались. Утро было тихое, едва заметная морось оседала на ружейных стволах. Через час были на месте сбора, на горелой поляне. Игнат распорядился по старой привычке. В загон не пошел. Разобрав флажки из мешков, мужики разошлись по просекам, оставляя красные следы на сучьях и кустах. Поставил охотников на номера. В нетерпенье они вскидывали ружья, целились в деревья, пригнувшись, перебегали друг к другу закурить. Тянул утренний ветерок, заставляя передергивать плечами. Председатель, в длинных новых сапогах, с трехлинейкой в руке, приставал к леснику:

— А не лучше мне стать вон за ту толстую осину?

Вдали едва слышно закричали загонщики. На номерах присели и побросали папиросы. Хор накатывался, приближался спокойно и ровно. Вдруг в ровный гон врезались азартные ноты. Игнат дернул плечами, в глазах мелькнула растерянность и испуг. Уже различались отдельные выкрики и стук палок о деревья. Вспугнутые птицы с беспокойным чириканьем пронеслись мимо.

Лесник первый увидел волков. Они бежали тесной кучкой. Впереди шел седой, матерый, огромный зверь. Видимо, знакомый с облавой, он остановился, вглядываясь в куст, за которым сидел Игнат; на лобатой голове торчали уши. Волчица вздрагивала, суетилась, припадала к земле, туго подобранный хвост мотался под брюхом. Два прибылых толкались и путались перед мордами старых. Один прибылой полз в стороне; были ли еще — не успел разглядеть.

От громкого крика седой волк метнулся в сторону просеки, взвился на дыбы и, словно опрокинутый, упал обратно. Он наскочил на флажок. Волчица обезумела от ужаса и бросилась с прибылыми вдоль цепи стрелков. Раз за разом грохнули три выстрела. Матерый оцетинился и оскалил желтые тупые клыки, будто лапу его стиснула зубья капкана. Каждую секунду его могли заметить с соседних номеров. Лесник припал грудью к земле, чтобы сделаться незаметным и, не отдавая себе отчета, сквозь стиснутые зубы торопливо издал короткий, глухой вой. Зверь оцетинился и бросился через куст. Почувствовав под лапами человека, взвизгнул, как огромная собака, и, сделав новый прыжок, бешено скребнув задними лапами листву, утонул в сизом дыме порослей. Следом бросился переярок. Игнат видел, как он, трусливо стелясь по выцветшему папоротнику, рванулся к кусту, но слева громыхнул выстрел, и волк ткнулся мордой в двух шагах от него. В туманной тишине пасмурного дня тупо стукнуло еще несколько выстрелов.

Охота вышла удачной. Был уничтожен весь выводок: пять молодых и волчица. На поляне около добычи толпились охотники и загонщики. Присев на корточках, гладили густой мех, переваливали с боку на бок, разглядывали, куда попала картечь, тянули волчицу за хвост, отчего она казалась еще больше. Переярок с изуродованной мордой лежал в стороне. Завидев лесника, лесничий закричал:

— Ура, Игнат! Качать его!

5

Печальный, готовый к зиме, лес покорно ждал. Первый снег лег в тихую темную ночь. Наутро в лесу посветлело, многочисленные следы извивались меж деревьев.

Игнат забросил службу; понурый и молчаливый, каждый день таскался за десять верст в Боровки к тестю. Дряхлый старик с позеленевшей бородой, отложив с колен на скобленную желтую лавку недоплетенный лапоть и лыко, беззубым ртом шамкал:

— Чего это ты, Игнат, совсем переменялся? И Татьяна возле тебя засохла вся!

— Из человеческой шкуры, как змея, вылез, отец. — Игнат доставал черную большую бутылку с самогоном и пил. — Волчьим мехом обрастаю. Слышишь, отец? — Он хмелел и говорил отрывисто, словно лаял глухим, сиплым лаем.

Старик оттопыривал ухо и качал голой потемневшей головой:

— Слышу, слышу, а понять не могу, к чему ты это про волка. Зверь он зверь и есть. Человек бывает хуже волка, какая минута в нем, а в иную минуту он настоящий, правильный человек. Зверь этого не знает. Завсегда — зверь. Нет в нем никакой минуты.

Как ни уговаривали Игната остаться ночевать, он уходил из деревни. Кричали петухи под белыми крышами, дорога бежала в голубую даль и звала за собой. Он шел в низовые кварталы, заходил с наветренной стороны, чтобы дальше разносил звук. Мимо луны летели, словно лебяжьи перья, прозрачные облака. Было спокойно в белом лесу. Игнат подавал голос, садился на пенек и слушал волчий хор. Казалось — он слышал эту песню и у людей. Ее пели мужики на лугах. Тоскливая, протяжная, бесконечно длинная, будто цель ее — соединить начало и конец, — проводила жизнь. Глухой, надтреснутый вой матерого плыл впереди и оставался последним. Наступало молчание в кварталах. Седой волк пел о вечной тоске по пище, по теплу, об одинокой жизни в белых равнинах под холодной луной, о вечном страхе. Грозил темной, кровавой ненавистью всем живым за свою волчью долю. Звал на бой своих братьев, голодных и беспомощных, на узкой звериной тропе. Сверлящей нотой прорезая хрустальный воздух, жаловался за всех, кому суждено, оскалив зубы, мчаться по пустыне от края до края, от рожденья до смерти.

Волк снимался с места и двигался к человеку осторожным кругом. Подойдя близко, трусливо и с любопытством выглядывал сквозь чащу, раздувал ноздри, шевелил ушами и не отзывался больше в эту ночь.

Утром лесник находил его следы на своих следах.

Татьяна встречала мужа молчаливо и испуганно. Плакаться на горькую свою долю уходила в сенцы. Не смела спросить, где он ходит долгими ночами.

Однажды, вне себя от отчаяния, она проследила Игната. По пятам проводила до самых Боровок, ждала до полночи у соседней окошка, пока выйдет от отца, и от дерева к дереву кралась за ним по лесу. И когда, встав на колени, он завыл — без сил, с подкосившимися ногами, опустилась на снег. Не смея шевельнуться, слышала, как далекий голос волка приближался, становился звучным и полным, и уже не различала из двух голосов голоса мужа. В тени мелькнули бледные глаза. От куста оторвался огромный седой, почти белый волк и уселся на светлом голубом снегу. Видела, как Игнат поднялся с колена, но волк недоверчиво опустил голову и отступил в чащу.

С облавы острым чутьем волк четко запомнил запах лесника. Как лунные тени в ветвях, смутные и призрачные пути вели зверя к человеку. Человек с волчьим голосом звал его каждую ночь. Звериная душа томилась. На следу человека он злобно щетинился, каждая шерстинка дрожала от ненависти и страха, клыки обнажались, кровавая слюна вскипала в пасти; в то же время непобедимая сила поднимала и влекла его, когда слышал голос лесника. Мчался на бой, удивленный появлением соперника, но вдруг сжимался и полз сквозь чащу, пугаясь шороха. Трепещущими ноздрями тянул знакомый запах и выходил на поляну, где ждал его Игнат.

Но близко волк никогда не подпускал к себе лесника. Игнат мало спал, во сне стонал громко и тяжело. Однажды, сев в кровати, долго сидел с закрытыми глазами, к чему-то прислушиваясь, и вдруг спросил Татьяну:

— Ветер, кажись, на дворе? — и снова тревожно слушал.

Татьяна попробовала уложить его, но он отстранил ее и вдруг завыл волчьим воем. Это было особенно страшно в горнице при лампе. Жилы на его шее вздулись, грудь вздымалась, набирая воздух. Татьяна упала на колени, хватала его за руки, трясла за плечи, чтобы разбудить. Не выдержав, накинула платок на голову и бросилась с кордона.

В лесу было тихо. На повороте в просеку ей повстречался седой знакомый волк. Он чуть посторонился с дороги и побежал спокойной рысцой к кордону, волоча по снегу темную тень.

7

Был декабрь месяц, волки собирались в большие стаи. Однажды на зов Игната не сразу и неохотно откликнулось несколько голосов. Не дослышав матерого среди них, лесник пошел на поляну в камышовые трупцобы.

Осины, ольховник и кустарник, спутавшись обледелыми тонкими ветвями, светились, словно в паутине; закутанные в мягкие хлопья, спали темные ели. Снег под ногами переливался миллионами искр. Еще издали заметно было движение на поляне. Взад и вперед носились проворные тени. Стая играла вокруг волчицы. Заслыша скрип под ногой лесника, волки сгнули, исчертив светлыми глазами черную тень, упавшую от леса.

Седой волк внезапно появился из зарослей. Он не садился, нервно оглядывался, ежеминутно хотел уйти. Опустив хвост, расставив ноги под тощим хребтом, тяжело носил боками и лизал снег. Широкий лоб угрюмо висел над синей тенью. Игнат видел, что он явился от свадебных игр, и, тронутый привязанностью, ласково позвал, словно собаку:

— Поди сюда!..

Волк вздрогнул, но не отступил, как делал всегда. Упрямо нагнул голову еще ниже и, начав с рычания, завыл злобным воем. Блеск лунного света серебрился в его шерсти. Глаза сделались узкими и косыми. Грозно переливались в его горле нетерпение и злба. Это был враг смертельный и вечный. Леснику стало холодно, он запахнул куртку и не спускал глаз с разъяренного зверя.

Волк медленно опускал зад, казалось — хочет сесть. И вдруг скакнул на лесника. Одним хватом сорвал с груди клочья куртки вместе с рубахой и живым телом. Игнат упал ничком в снег, но от внезапной злобы мгновенно поднялся на руки и очутился на четвереньках. Оба мерили друг друга горящими глазами. Волк наскочил снова. Чувствуя удары тупых клыков по плечу, Игнат душил и топтал коленами извивающееся костлявое и могучее тело. Набежавшая стая металась вокруг. Толстые проворные звери визжали и облизывали свои острые морды, готовясь напасть на борцов, чтоб уничтожить обоих. По-

ния смертельную опасность, седой волк вырвался из рук Игната и бросился на стаю. Хищные силуэты бесшумно метнулись по поляне и исчезли, словно во сне.

Игнат поднялся, выбросил из мокрых горячих рук клочья шерсти и ощущал плечо и грудь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Стояли лютые морозы. Для больного Игната надо было потеплее топить печь. Раны от тупых волчьих клыков затягивались медленно.

— Надо б к доктору аль к фершалу, — говорила Татьяна, — не бешеный ли тебя искусал?

Игнат становился злым при напоминании о волке, ворочался и поднимался в кровати.

— Бешеный не выл бы каждую ночь, давно убежал бы или издох!

Каждую ночь слышал он вой седого волка. Обострившийся слух легко улавливал знакомый голос среди лесных звуков за стенами сторожки. Татьяна, лежа на печи, слышала, как он поднимался и, перебравшись на лавку к окну, подолгу сидел, прислонясь щекой к стеклу. Никогда вой не разливался так назойливо и громко. Звал на поляну, в камыши, грозил и торжествовал. Игнат укрывался с головой тяжелой шубой, чтобы не слышать, сжимал кулаки. Казалось — во что бы то ни стало надо уничтожить зверя, иначе не будет покоя и здоровья. Строил планы и днем делился ими с Татьяной. Баба радостно поддакивала:

— Да то разь оставлять его на расплод, такого окаянного зверя!

Часто, лежа один в горнице, Игнат громко звал бабу со двора:

— Поди добежи до десятого квартала, погляди — нет ли санного следа, будто едет кто-то.

Ему чудились лесокрады, казалось, мужики, пользуясь его болезнью, сведут весь лес.

— Пускай лесничий человека даст покамест, сходи попроси.

Завидев в окошко облезлую телушку, выпущенную на водопой к колоде, он бранился, словно впервые видел свою заморенную скотину. В нем пробуждался жадный хозяин и лесной служака.

На святки приезжали из Боровок теть со старухой тещей на широких розвальнях. От их морщинистых розовых лиц и холодных крепких рук делалось совестно за свою болезнь.

За чаем старик лукаво глядел на зятя:

— Вот каким молодцом опять стал. Бабу теперь захочешь молодую. Вылечил тебя волк, лучше лекаря. Отворожил от глазу.

Игнат нахмурился; Татьяна сделала знак отцу — не надо об этом.

— С кем грех-беда не случалась, прошло, и слава Богу.

— Ну, не надо. Сам больше в себе понимает. Зверь он лют, да прост, а человек и лют и хитер. Разь я не понимаю. Только по волчьей тропинке тесно ему ходить, — вот про што я говорю.

Игнат вдруг отодвинул чашку с чаем, поднялся с табурета и, сняв со стены берданку, лязгнул затвором.

— Вот хорошую лавочную картечь теперь надо и больше ничего!

2

Ржавый ствол ружья и позеленевшие медные патроны Игнат чистил с утра до вечера. Зарядил три заряда. Надел залатанную на груди и плечах куртку и вышел в первый раз из сторожки.

В лесу было тихо и бело. Глубокий снег в просеках местами был изборожден полозьями. В одной просеке совсем свежий след был засорен сосновыми иглами и желтой чешуей коры. Лесник дернул плечом.

— Погодите, доберусь и до вас, — проворчал он и пересек след. Нужно было сделать главное — убить волка. План был простой: вызвать на голос и повалить картечью наверняка, без промаху.

Бор, засыпанный снегом, спал, словно закутанный в белое теплое одеяло. Ни синицы, ни дятла не было слышно. Холодная серебристая мгла стояла в даях меж стволами. На холме, за впадиной, за дубовым молодиком, светились красные стволы в лучах заходящего солнца. Через бор на просеку тянулась заячья тропа, ее пересекала глубокий волчий след. Стоя гонялась за волчицей: борозда была свежая и широкая. Слабые и молодые волки брели по сторонам. Среди многочисленных следов выделялся один огромный — след матерого.

Краски на небе таяли, изумрудная даль туманилась морозной пылью. Лесник опустил на одно колено и подал голос. Чутко прислушиваясь, снял с плеча ружье, оттянул осторожно взводную пружину и замер.

Тишина не нарушалась, замигали звезды в разорванной густой хвое. Рассыпчатый легкий снежный ком упал на плечо. Уже волнуясь от нетерпенья, снова подал голос. В соседнем квартале завыл переярок, за ним враздробь — до пяти голосов. Коротко, торопливо, словно оторвались на минуту от важного дела. Матерый молчал.

Злой и изящный лесник засунул руки в рукава. Ни малейшего шороха в тихом лесу. Вдруг он повернулся всем туловищем назад — в тишине скрипнули полозья, лесокрад, видимо, выехал на твердую дорогу. Рванулся от сосны и, разбрасывая снег ногами, побежал через чащу наперерез.

3

Всюду, куда б ни сунулся, Игнат наталкивался на неустройство и непорядок. В катухе — вместо двери, чтоб не вылезали овцы — расколотые солнцем колоды, коровник — полон навоза, дрова — в сугробе.

Принялся стучать и ладить. Баба, глядя на мужа, оживилась, помолодела. Как-то, стоя с ведрами у колодца, она сказала:

— Сено-то у нас в седьмом квартале. Косили боровские исполу с извозом, а потом не привезли. Что я, баба, с ними сделаю.

— Приедет какой-нибудь мужик за сосной — привезет возок, а потом сразу весь стог поднимем.

Дома, в Боровках, Татьяна не удержалась и похвасталась:

— Человеком стает Игнат, до всего доходит, каб не сглазить, — и плюнула три раза через левое плечо. — Уж так-то хорошо теперь, даже боязно.

Игнат стал снова настоящим лесником, У кордона останавливались мужики, предъявляли ордера на сосны и дубовые делянки. Кто без ордеров, почтительно ждал на крыльце.

— Хворостишку бы... не отпустишь, товарищ Игнат?..

— Ордер есть?

— Да нам самую малость. Слухом пользовались — сено у вас в седьмом не вывезено?

Но не совсем Игнат забыл недавнее. Оскаленная морда волка чудилась всюду. Сдерживал себя, старался выкинуть из головы, но не мог. Понимал — пока не убьет его, не избудет своей тоски. Часто, отделавшись во дворе, собираясь лезть на печь, уже разувшись, вдруг натягивал снова валенки, брал ружье и уходил в лес.

— Да на кой он тебе ляд нужен, — пыталась отговаривать Татьяна, — ушел, поди, он, где ты искать его будешь!

— Тут он. След вчера видел свежий, после пороши прошел возле самого кордона. Возвращался угрюмый, снова тревожно спал ночами, выходил на крыльцо и слушал то далекий, то близкий концерт стаи. Но матерый волк словно притаился: ни разу не подал голоса.

— Молчит, ходит возле, — не к добру это, — поделился как-то с бабой лесник.

4

Однажды с вечера загудела метель над лесом, словно сотни зверей разинули голодные пасти. Ветер злобно гнал колючую снежную пыль всю ночь. Чуть ослабев к утру — с полден с новой яростью хлестал по стеклам. Деревья раскачивались, стонали и наклонялись друг к другу, словно сообщая беспокойную и жуткую тайну. В горнице было холодно, сторожку продувало насквозь. Рано загасили лампочку, чтоб побережь керосин. Завывание в трубе мешало спать, Игнат ворочался с боку на бок на печи, слышал пенье петуха в сенцах, первое и второе.

«Не жить мне, если не убью волка», — думал он.

Татьяна спала, сопела носом и жалась во сне под бок. Вдруг она вздрогнула и села, испуганно бормоча «Господи Иисусе». Торопливо затрясла за плечо.

— Спишь, что ли? Спишь ты? Вставай, овцы бьются в хлеву!

Оторванный от своих мыслей, лесник недовольно проворчал:

— Увидела во сне, вот и бредишь, — но сам вздрогнул от жалобного, стонущего крика.

Что-то мягкое ударилось о стенку. Прыгнув с печки, всунул ноги в валенки, схватил берданку и выбежал во двор. Ветер дул тише, было светло от луны. Бросился к овцам, с трудом открыв дверь, утонувшую в сугробе, пролез боком в овчарню. В темноте споткнулся на лежащую овцу — она не вскочила и не шарахнулась прочь. Было тихо. Теплый запах крови ударил в голову. Игнат покрылся потом от страшной догадки.

Татьяна прибежала с фонарем, свет скользнул по хлеву: на притоптанной соломе в беспорядке валялись бездыханные, порезанные овцы. Одной не было совсем. В углу в плетне зияла дыра. Прыгающими губами баба прошептала:

— Всех порешил до единой... — застонала и опустила на соломенную постилку.

5

Чуть свет Игнат шагал по следу волка. Местами снег был забрызган и затоптан, — зверь останавливался, жрал добычу и снова, взвалив на спину, уносил дальше в глубину леса. Только к вечеру набрел на остатки овцы. Около в снегу была лежка. Зверь отдыхал. От раздувшегося брюха ямка была глубоко вдавлена и подтаяла. След вел в чащу, видно было — волк уходил неторопливо, шагом.

Наделав прорезы в мясе, Игнат засунул в них капсулы с ядом. Наутро приманка была съедена. Два прибылых, зарывшись глубоко в снег, валялись недалеко, разбрызгав желтую пену из разинутых пастей. Седой волк не шел на приманку. Долго стоял лесник в раздумье. Оставалась одна надежда — на капканы. Придя домой, достал с чердака три стальных капкана, до полночи скобил с них ржавчину, смазывал салом, чтоб отбить запах жилья, и, не дождавшись рассвета, вынес их в низовой квартал в камышовые заросли. Насторожил, затрусил снегом и посредине бросил стегно зарезанной овцы.

Три ночи лежала привада, на четвертую ворвался переярок. Он сидел и клацал зубами, боясь шевельнуться и дернуть зажатую в сталь лапу, пока выстрел не повалил его. Около капканов были следы и матерого, но он бродил возле и не подходил близко.

В тот же день Игнат был у лесничего и просил:

— Назначьте облаву, много развелось их, овец порезали всех. Пошлите за председателем, пускай из города охотники приедут.

Лесничий озабоченно перелистывал большую книгу:

— На ближайшее время не обещаю, а председателя того уже нет, назначили другого. Не охотник он.

Лесник снял шапку:

— Прошу вас, — и голос его дрогнул. — Ни об чем не просил, а об этом прошу...

— Да ведь идут они и на приваду, и в капканы идут, ну и лови. Пока соберется облава, ты их всех перетаскаешь из леса. Некогда мне этим заниматься. Ревизия будет на днях. У тебя там как, в обходе? Ты смотри, подтянись, брат...

На обратном пути лесник вглядывался в каждый пенек, засыпанный снегом, словно мог встретить седого волка. Ружье с взведенной пружиной нес в руках всю дорогу.

У Татьяны не просыхали глаза. Как войдет во двор, глянет на раскрытые двери в хлеву, залетит и убежит в горницу. И на этот раз она встретила мужа жалобой:

— Хоть парочку черных бы оставил, нечисть проклятый. Как берегла для шерсти, и приплод завсегда черный был — весь в ярку. Надо было тебе трогать его!

— Замолчи, ну тебя совсем, — не выдержал Игнат и обругался. — Кто его трогал. Сам как бешеный накинулся. Не бабьего ума это дело!

За своим горем Татьяна не замечала, что Игнат снова худеет, в глазах его снова горит беспокойный огонь, словно у лихорадочного. Однажды он ушел после обеда и не возвращался до утра. На расспросы только сказал:

— Опять подывал, в дальний обход ходил — думал, не слышит, а он по следу моему ходил всю ночь. — Махнул рукой и, склонив голову, просидел обед, не взявшись за ложку.

6

Ревизия, наряду с общими недостатками в лесничестве, обнаружила много жалоб на Игната Шугаева, будто он продает строевые сосны.

Осмотр его обхода подтвердил донос. Много свежих неклеяемых пней торчало из снега в бору.

Вызванный на допрос в контору, лесник, угрюмо насупившись, выслушал акт.

— Хотел по совести с ними. Выходит — нельзя. Теперь ловлю.

Ревизор шагал по комнате.

— Так нельзя, братец. Ты захочешь опять по совести — и весь бор сведешь. Тебе надо отдохнуть. В лесу нужен здоровый человек, который исполнял бы свою службу и днем, и ночью.

Через час Игнат был уволен со службы. Приходилось проститься со сторожкой, с лесом, где вырос сам, где родился и вырос отец. Куда теперь? Кроме леса и кордона ничего не знает.

Близился вечер, он едва плелся по дороге. Не хотелось видеть острой крыши сторожки и света в окнах. Татьяна ждет, прислушивается к каждому звуку: что скажет он на ее вопросительный взгляд? «Собирайся в Боровки»? И потом жить среди мужиков, которые ненавидят его, за которых выгнали со службы?

— Бить бы подлецов из ружья, — пробормотал он и зашагал быстрее.

Снег взвизгивал под ногами. Уже прошел просеку, ведущую в сосновый бор, но что-то толкнуло его повернуть. На кресте был свежий санный след по долевым просекам. Лошади лесокрадов брели по колена, передками саней бороздили снег, разваливая на обе стороны. Видно было — проехало не менее пяти подвод. Лесник сжал ружье, стиснул зубы, пригнулся, прыгнул с просеки и замелькал меж ство-

лами. В морозной тишине ясно слышались частый шорох поперечной пилы и осторожные удары топора: обрубали ветки.

Словно волк к добыче, подобрался он к мужикам. В стороне от просеки стояли лошади и спокойно жевали сено, брошенное на снег. Воры пилили крайнюю сосну. Пила шоркала торопливо, вдруг приостанавливалась, будто прислушивалась, и снова спешила. Игнат взвел курок и отделился от дерева. Раздался громкий лай собаки: воры были со сторожем. Послышался торопливый голос:

— Допиливай, пущай подходит. — И снова задержалась пила. Сосна упала с гулким эхом.

— Подходи, волчина! — крикнул тот же голос.

Раздался выстрел, мимо лесника пропела картечь и щелкнула по стволам.

— Подходи ближе! — И снова грохнул выстрел.

Ногу ниже колена ожгло, словно ужалила осенняя злая муха или овод.

Игнат упал лицом в снег и ползком скрылся за ближнюю сосну. Вскочил и побежал по просеке. Добежав до дороги, хотел повернуть к лесничеству, чтобы заявить о крупной порубке, несколько минут стоял в нерешимости, но махнул рукой: пусть тащат, везут.

Поздняя луна выплывала за лесом, осыпая бронзовой пылью вершины сосен. И словно поднятый тусклым светом, по лесу вдруг проплыл волчий вой. Злобный, глухой, прерывающийся, будто зверь прыгал и падал, зарываясь мордой в снег. Игнат понял, что волк мечется в капкане, и побежал по лесу.

7

Камыш качался с жестким сухим шелестом, замыкая проложенную дорогу. До капканов оставалось несколько шагов. Игнат приостановился. Стояла тишина в лесу, сердце стучало громко и нетерпеливо. Вдруг, не веря слуху, услышал вой далеко в стороне.

На поляне вокруг капканов снег был натоптан и окровавлен. Стальная дуга держала в зубах волчью лапу. Зверь перегрыз себе ногу по колено и ушел. След, окропленный темными брызгами, скрывался в чаще.

В сверкающих лучах лесник стоял неподвижным силуэтом и слушал волка. Закинул ружье за плечи, хотел зашагать с поляны, но нога, тяжелая, как дубовый обрубок, лишь слабо шевельнулась. Внезапная боль промчалась по ноге до затылка и затуманила взор. Он стиснул зубы и ухватился за дерево.

Вой все звучнее разливался по белому тихому лесу, упругими волнами плыл над вершинами и трогал холодом спину. Лютой боли не было уже слышно в нем. Торжествующая песнь могучим родником лилась из глотки зверя. Он пел о непобедимой жизни, о шумном морозном дыхании в лунную ночь, о погоне и бегстве, о битвах, в которых он всегда победитель. «Без победы нет жизни. Безногому, но жить, ползти по окровавленному снегу, но жить... Жить!»

Лесник оттолкнулся от дерева и сделал тяжелый шаг. За ним другой, третий — и медленно пошел, вздрагивая от боли. Оглянувшись, увидел за собой темный след: кровь наплатала тонкий войлок сапога и пятнала снег.

— Дойду, на руках доползу! — крикнул он и оскалил зубы от боли.

— Жить, жить! — приплыл издалека вой седого волка, и сделалось тихо в лесу.

Молчаливо и упрямо уходили с поляны и зверь, и человек, протягивая красную цепь своих шагов, и тени их беспокойно дергались и ковыляли по холодному голубому снегу.

